

пытается взглянуть на войну глазами детей, у которых в мгновение ока отняли детство. Война пришла на их хутор и ушла ночью, оставив после себя сожжённые хаты, дымящуюся землю, подбитый танк с былым крестом посреди неубранного поля. От хуторской школы остались лишь качели. Но среди общих развалин они больше похожи на виселицу. И всё это видят дети. Двое мальчишек. Они одни. Мать ушла, чтобы где — нибудь найти хлеба. Поблизости нет ни души. Там, на другом конце хутора, дымится хата, может быть, там есть люди, а может быть, и нет. Эти мальчишки понимают, что такое война. А вот почему она происходит, они не знают.

— Федь!

— Ну?

— А война — она отчего?

— Как отчего?

— Мы вот жили, жили — и война...

Да, война это страшно. Но вдвойне страшнее, когда она стоит у тебя на пороге. Для детей, пришедший в их дом немец, олицетворяет собой ту беду, что «ночью налетела на землю, спалила хутор, вытоптала хлеба, обожгла сады, убила, искалечила людей, а уцелевших обрекла на голод». Мальчишки не замечают, что немец простой человек, усталый, замёрзший, с отмороженными ногами. Да, конечно, он не такой, каким его представляли себе дети, а именно не железный и не непобедимый, но всё равно он страшен. Страшен, когда заходит в дом, страшен, когда расхаживает по комнате и когда кончает с собой. Мне кажется, самоубийством немца автор хочет показать, что враги — обыкновенные люди, которых можно победить. Тысяча верст отделяет мальчишек от живых людей. И, возможно, столько же отделяет наших воинов от победы, которая непременно будет. И огни салюта взмоют вверх, возвещая о том, что на нашей земле снова установились мир и покой.

Весна 45 года... Обугленные своды рейхстага, а на стенах имена, имена, имена... Прекрасные строки посвятил солдатам — победителям Н. Тихонов:

*...Рейхстагова развалина дышала  
Всем перегаром битвы мировой  
И в ней звучнее всякого хорала  
Пел хор имён, растущих как прибой.*

*Он пел, взлетая над огнём и кровью  
Перед войны поверженным лицом  
Как будто осеня изголовье  
Последних умирающих бойцов...*

На стенах рейхстага не было имени Евгения Носова, его фронтовой путь оборвался в Восточной Пруссии, как вспоминал писатель, «немецкий «фердинанд» всё — таки поймал наше орудие в прицел, и я полгода провалялся в госпитале в гипсовом панцире». Здесь он и встретил победу.

Спустя годы он поведаёт обо всём этом в рассказе «Красное вино победы». Память вернёт его в госпиталь в подмосковном городке Серпухове, где через два окна второго этажа видны ветки деревьев. Раненые и медперсонал ждут победы, которая должна наступить со дня на день, с часу на час. О близости победы говорит то, что в госпиталь больше не поступают раненные, а тех, кто выздоравливал, отпустили домой. После падения Будапешта и взятия Вены радио в палате не выключалось даже ночью. Раненые солдаты вслушивались в сводки Совинформбюро, пытались напасть на след своих подразделений и спорили о том, повезло им, или нет. И вот пробили час победы. Капитулировал Берлин. В это даже с начала не верилось. А потом... Трудно отыскать радость, которая охватила людей. За окном в светлой лунной ночи взлетели вверх зелёные и красные ракеты. Трубили буксиры на недалёкой Оке. Люди не могли переживать эту великую радость наедине со своими домами. Они устремились к госпиталю, в котором находились те, кто воевал, те, кто делал всё для того, чтобы приблизить этот день. В честь праздника раненых угостили вином. И «эти рубиново — красные, наполненные до краёв стаканы воспринимались в нашей бесцветно — белой палате как нечто небывало — торжественное, обещали какое — то таинство». У меня лично с этим вином ассоциируется алый флаг, развевающийся над рейхстагом. В Берлине символом победы был этот флаг, а в больничной палате — это красное вино.

Но, увы, праздник победы был омрачён: умер солдат Копешкин. Автор говорит о нём следующее: «Копешкин, как нам удалось у него дознаться, числился в извозе, справляя и на войне свою нехитрую работу: запрягал, распрягал лошадей, кормил поил обозных лошадей, если позволяли фронтовые условия — гонял их в ночное, чинил сбрую, возил за батальоном всякую солдатскую поклажу» Потом он заблудился —